

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2013. № 3

**Памяти Николая Николаевича Пайкова: В 2 т. Т. 2:
«Память сердца». Сборник воспоминаний / Сост.
И.Г. Васильев, С.И. Кормилов; отв. ред. С.И. Корми-
лов. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 249 с.; илл.**

В русской мемуарной литературе XX (после 1917 г.) — начала XXI в. нечасто встретишь образ мирского праведника. Сборник воспоминаний о ярославском ученом-некрасоведе, преподавателе, поэте, организаторе научных конференций, патриоте своего края Николае Николаевиче Пайкове (1951–2010) рисует именно такой образ¹.

В основе многих воспоминаний — всего лишь эпизод. Научные конференции, забота Н.Н. Пайкова о каждом их участнике, незабываемые прогулки-экскурсии по Ярославлю и его окрестностям, память о радости общения (*А.А. Александрова, Г.А. Аманова, У.Ю. Верина, С.Н. Ефимова, Е.А. Калинина, Л.П. Корпусова, Е.И. Трофимова, А.О. Шелемова, О.И. Федотов*).

Благодарная память о помощи с выставкой (*В.А. Бутусов, Н.Н. Бутусова*), с литературным конкурсом для старшеклассников (*С.М. Горохова*), с организацией Васильевских чтений и литературного клуба (*И.Г. Васильев, Т.М. Рыкова*), с подготовкой учебного курса по гуманитарным дисциплинам для средней школы (*А.А. Савельев, И.В. Савельева*). Вспоминается и внимательное, неформальное отношение к ответу на экзамене (*А.А. Маслова (Гудкова)*).

И буквально каждый, кто, пусть ненадолго, соприкоснулся с Н.Н. Пайковым, жалеет об упущенной возможности более тесного, глубокого общения.

А вот воспоминаний тех, кто имел эту возможность общаться тесно и годами, в сборнике, увы, не хватает. В биографической справке (*Н.Л. Вершинина, М.Г. Пономарева*) читаем: «С 1976 года Николай Николаевич преподает разнообразные литературоведческие дисциплины (историю русской литературы второй трети XIX века, теорию литературы, историческую поэтику и другие) в Ярославском государственном педагогическом институте (позднее — университете) имени К.Д. Ушинского <...> проходит путь от ассистента до доцента кафедры литературы» (с. 9). Но среди мемуаристов нет ни одного сотрудника «родной» кафедры. Никто, от лаборанта до заведующего, не взял на себя труд вспомнить «рыцаря литературы», «лицо кафедры»,

¹ Рецензию А.В. Леденева и А.В. Нижник на первую часть двухтомного издания — сборник научных статей с врезками от лица авторов, отзывающихся о Н.Н. Пайкове, см.: Вестн. Моск. ун-та. 2013. № 2. С. 194–197.

самого яркого преподавателя, неповторимого лектора. А ученики? В биографической справке названы Е.М. Болдырева, Т.Г. Кучина, М.Ю. Егоров, М.Г. Пономарева. И только М.Г. Пономарева (зав.

самого яркого преподавателя, неповторимого лектора. А ученики? В биографической справке названы Е.М. Болдырева, Т.Г. Кучина, М.Ю. Егоров, М.Г. Пономарева. И только М.Г. Пономарева (зав. кафедрой книжного дела) выступила и как соавтор биографической справки, и как автор прочувствованных воспоминаний о совместной работе на факультете². В Ярославском государственном университете, согласно той же справке о Пайкове, «его дело продолжают Е.Н. Баранов, И.В. Неронова, Д.Л. Карпов» (с. 12). Но в сборнике представлены лишь подробные воспоминания последнего.

Зато своим долгом и святой обязанностью сочли написать о Н.Н. Пайкове учителя, библиотекари, сотрудники музеев, литераторы, деятели культуры Ярославля и Ярославской области, профессора и преподаватели Ярославского государственного театрального института, кафедры журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, петербургские историки литературы, московские ученые, преподаватели, профессора.

Но жизнь Н.Н. Пайкова не остается в рамках учебного процесса: сначала учится, потом — учит. Аудитория, библиотека, архивы, письменный стол.

Институтские годы начались с «картошки», недоброй памяти студенческой каторги советских лет. Особенно тяжело приходилось на ней тем, кто учился на традиционно «девичьих» факультетах, прежде всего филологических.

Как-то выжить можно было, только если среди однокурсников находились такие, как Н.Н. Пайков, а среди руководителей колхозов такие, как Константин Иванович Канахистов.

М.Г. Ваняшова, бывшая в 1968 г. руководителем сельхозработ, вспоминает: «<...> Николай у нас был единственным юношей.

Его мужские заботы потребовались немедленно. Нам отвели под жилье <...> избу, еще никем не заселенную. В комнате стояло всего лишь две скамейки и дощатый стол. Надо было соорудить хотя бы подобие нар, чтобы не спать на полу. <...> Коля пробежался по деревне, поговорил с бригадиром, нашел доски и бруски, умудрился достать и гвозди, и ножовку. И очень быстро соорудил нары, невысокий дощатый настил» (с. 27, 28). Николай был бригадиром, отвечал и за работу, и за нелегкий быт, и даже... за погоду. А еще писал светлые, «пушкинские» стихи.

Затем в течение многих лет уже сам Н.Н. Пайков нес тягостные обязанности руководителя сельхозработ. И снова подставлял плечо, заботился о тепле, еде, сносном жилье для попавших в невыносимые условия девочек-первокурсниц.

² Ее фамилия вылетела из числа составителей рецензируемого сборника по произволу издателя В.В. Богословского, что, однако, не умаляет заслуги этого ученика Н.Н. Пайкова в самом факте опубликования книги.

Студенческие годы были для Н. Пайкова, наверно, самыми счастливыми. В них вместились и азартная учеба (отличник! ленинский стипендиат!), и общественная работа, и легендарная стенгазета «Икар», ставшая для Н. Пайкова школой редакторского мастерства,

— 226 из 240

Студенческие годы были для Н. Пайкова, наверно, самыми счастливыми. В них вместились и азартная учеба (отличник! ленинский стипендиат!), и общественная работа, и легендарная стенгазета «Икар», ставшая для Н. Пайкова школой редакторского мастерства, подарившая радость творчества и — сотворчества, содружества единомышленников, своего рода интеллектуальной элиты факультета (воспоминания *М.Г. Ваняшовой*, *Н.А. Малининой (Воскресенской)*, *Т.В. Юрьевой*, опубликованное *Н.Н. Коминой (Мыслинской)* письмо об «Икаре» самого Н.Н. Пайкова).

В студенческие годы произошло и профессиональное, научное самоопределение.

В конце 60-х — начале 70-х годов минувшего века кафедра литературы ЯГПИ им. К.Д. Ушинского была одной из самых «сильных среди тогдашних литературных кафедр страны» (с. 30), — пишет М.Г. Ваняшова. В ее благодарной памяти воскресают легендарные ныне преподаватели, их «самоотверженность, <...> глубокое ощущение своего призвания» (там же). Для них, прошедших испытания послереволюционных и военных лет, русская литература была действительно «всем», служение ей — счастьем, жизненной удачей.

Такое отношение к предмету стало для Н.Н. Пайкова вечным «нравственным императивом».

Научным руководителем талантливого студента стал исследователь творчества Твардовского Г.П. Верховский. «Бывают странные сближения»... Неоднозначная личность Твардовского, поэта и редактора «Нового мира», отзывалась для Н. Пайкова интересом к творчеству и личности Некрасова, редактора «Современника», в контексте литературного процесса в России второй трети XIX в.

Отмечаемая мемуаристами отстраненность Н.Н. Пайкова от «злости дня», жизнь вне жесткой (какой угодно!) идеологии помогли ему увидеть подлинного Некрасова, во всей, что называется, «нераздельности и неслиянности» черт тонкого, трагического лирика, политического борца, социолога, удачливого практического деятеля, верующего человека.

Научное исследование художественных и публицистических текстов, биографий, мемуаров, архивных материалов, краеведческие разыскания — не было, казалось, ничего, связанного с Некрасовым и выпавшего из поля зрения Н.Н. Пайкова.

Некрасову были посвящены многочисленные статьи и выступления на научных конференциях, кандидатская диссертация, книга «Феномен Некрасова», докторская диссертация, не увидевшая свет в силу чрезмерной требовательности к себе замечательного ученого.

Но главным делом в жизни Н.Н. Пайкова неожиданно стала борьба за сохранение доброго имени Н.А. Некрасова в страшные для

227 из 240

е годы. Забывшие честь и совесть «новые» так называемые литературоведы выдирали с соответствующим комментарием из некрасовского наследия самые, на их взгляд, одиозные политические строки, смаковали подробности частной жизни поэта, столь ценимого литераторами Серебряного века — Блоком, Андреем Белым, Ахматовой, Мандельштамом...

На волоске висела и судьба знаменитой Карабихи. «Приживала Некрасова», по гневному выражению Н.Н. Пайкова, изгоняли из дома, когда-то принадлежавшего князьям Голицыным. Создание на месте некрасовского мемориала музея-усадьбы князей Голицыных преподносилось в качестве акта восстановления исторической справедливости.

Благодаря вмешательству научной общественности и личным усилиям Н.Н. Пайкова Карабиху удалось отстоять. И хотя о Пайкове-некрасоведе в сборнике сказано меньше, чем хотелось бы, все мемуаристы сходятся в одном: некрасоведение было для ученого глубоко личным делом.

«Поставить Некрасова <...> в сердцевину своей духовно-творческой судьбы — для этого в конце XX — начале XXI столетия нужны были необычный склад ума, необычные внутренние силы... Не обращая поначалу ни малейшего внимания на окружавшую образ поэта мертвящую атмосферу официальной канонизированности, как и потом не придавая никакого значения праздным разговорам об «угасании» некрасовского наследия, ученый постигал в Некрасове <...> концентрированный выброс национальной духовной энергии <...>» (с.156–157), — отмечает *Ю.М. Прозоров*.

О «глубоком личном переживании» (с. 213) Н.Н. Пайковым творчества и биографии Некрасова пишет и *И.Х. Шихваргер*.

Именно личное, сердечное переживание литературы и науки о ней делало доцента Пайкова «легендой факультета». Бывшие ученики и коллеги говорят о Пайкове — Учителе с большой буквы.

А.В. Леденеву он запомнился окруженным студентами, одновременно успевающим отвечать на несколько вопросов, внимательным собеседником, блестящим лектором.

Безотказность его не знала границ, он «взваливал» на себя одну нагрузку за другой, не считаясь ни со здоровьем, ни с личным временем. И тем не менее чувствовал себя словно виноватым перед каждым обратившимся к нему, будто мог сделать еще больше, уже не в человеческую меру сил.

Н.Н. Пайков полностью отдавал себя студентам — требовал с успевающих, не жалел времени на отстающих. В целях расширения кругозора студентов использовал не только свои знаменитые фундаментальные списки литературы по курсу, но и дополнял своими

228 из 240

рассуждениями поданную на его суд далекую от совершенства студенческую работу. Мог на лекции показать, как когда-то в деревне плясали знаменитую камаринскую. А ответ на экзамене — превратить в увлекательную дискуссию...

Преподаватель, что называется, от Бога, Н.Н. Пайков не искал «чинов и званий». В разное время исполняя обязанности и заведующего кафедрой, и заместителя декана, и декана филологического факультета, он не стремился «зацепиться» ни за одну из сулящих блага земные ступенек скользкой административной лестницы. Не для того жил.

А жил ведь трудно. «<...> *помираю под бременем всякой работы, как кажется, большей частью бесплодной — рутина отношений на факультете, неумение порой сказать жесткое "нет", попытки быть полезным тем, кто, по-видимому, в этом не очень нуждается, битвы за всякие подачки, "грантами" именуемые, репетиторство, почасовка и проч. Наука — побоку. Стыдно перед коллегами, собой...*» (из письма Н.Н. Пайкова к В.Ф. Некрасову, с. 133–134).

Но, несмотря на занятость и усталость, Н.Н. Пайков успевает заниматься и методической работой, и просветительской деятельностью. Проводит огромную работу в поддержку современных ярославских писателей, печатает предисловия, послесловия, рецензии, участвует в презентации новых книг.

А в последние девять лет, наряду с «некрасовской», «вечной» его темой, в круг научных интересов входит еще одна — «васильевская».

Именно к Н.Н. Пайкову порекомендовала обратиться И.Г. Васильеву, двоюродному брату рано ушедшего поэта Константина Васильева (1955–2001), общая знакомая Тамара Мухина.

«Тамара много рассказывала нам, своим друзьям, об этом удивительном человеке, прекрасном педагоге, известном некрасоведе, и в моем воображении уже был сформирован некий образ Николая Николаевича, благородного рыцаря без страха и упрека» (с. 42), — вспоминает И.Г. Васильев.

Действительно, Н.Н. Пайков откликнулся на просьбу о помощи в деле сохранения наследия К.В. Васильева безотлагательно. Сначала — советом в телефонном разговоре, затем, при личной встрече, — сердечной, внимательной, долгой беседой. И вскоре подготовил обстоятельные «Аналитические записки по поводу организации Васильевских чтений», оказавшиеся лишь первым в ряду документов, посвященных увековечению памяти талантливого поэта.

«Там было все и обо всем <...>. Всего и не перечислишь, что успел осмыслить и изложить в документе Николай Николаевич. Но более всего меня поразило то, с какой деликатностью Николай Николаевич преподнес свой труд» (с.44), — пишет И.Г. Васильев.

229 из 240

ству Н.Н. Пайков оказался неформальным руководителем проекта, но ... «боялся навязываться».

Хотя именно его трудами Васильевские чтения из мемориальных стали научными, получив второе название — «Голоса русской провинции»; по их материалам начал издаваться периодический сборник. А благодаря помощи привлеченного им московского профессора С.И. Кормилова Васильевские чтения стали фактом научной жизни не только России, но и стран ближнего зарубежья.

В своих воспоминаниях *С.И. Кормилов* отдает дань Н.Н. Пайкову — ученому и краеведу, тонкому знатоку архитектуры Ярославля и его окрестностей. Но главное — это память о Н.Н. Пайкове как о хорошем человеке, которым быть ох как непросто. Щедро отдававшим себя, не требуя ничего взамен. Ранимом. Заботливым. Скромным, даже чуть застенчивым. Некрещеном мирском праведнике. «Такого друга я еще не терял <...> нельзя не удивляться тому, что этот человек был. Достоевский считал труднейшей задачей для художника создать образ положительно прекрасного человека. Жил бы в наше время — мог бы просто списать с натуры» (с. 110).

Н.Н. Пайков производил впечатление человека энергичного, полного сил и замыслов. Только близкие знали о его больном сердце. И о том, что жизнь его складывалась далеко не так, как ему хотелось бы.

Сын репрессированного боевого летчика, долгие годы он ютился с матерью в коммуналке на окраине Ярославля. Мама, Антонина Александровна, мечтала быть библиотекарем, но на работу не брали, так что пришлось трудиться на ликеро-водочном заводе.

Созерцатель от природы, юный Николай Пайков закончил художественную школу, надеялся стать художником. Мать воспротивилась: по тем временам учитель русского языка и литературы — профессия уважаемая, обеспечивающая стабильный, хороший заработок.

Впрочем, решив поступать на историко-филологический факультет ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Н. Пайков мечтал «пробиться» в журналистику, писать. Не случилось. Сельская школа, армия, случайные заработки, фактически — безработица. Через годы судьба поманила опять: учась в аспирантуре при ЛГПИ им. А.И. Герцена, Пайков получает от научного руководителя, профессора Н.Н. Скатова, предложение остаться работать в Ленинграде. Но и это чудо не сбылось: не было жилья. Вся ярославская «недвижимость» — однокомнатная квартира на четверых. Конечно, такие «хоромы» на Ленинград не обменяешь.

«Ох как тесно было ему в наших пенатах! — сетует поэт *Л.Н. Новикова*. — Он был личностью отнюдь не областного масштаба» (с. 138).

229

Что ж, «не место красит человека, а человек — место». Сделанное Н.Н. Пайковым для Ярославля и области трудно переоценить. Ни звания, ни награды, ни деньги не «покрывают» его вклада в отечественную культуру. Хотя если бы все это пришло щедро и вовремя, и прожил бы он дольше, и сделать сумел бы еще больше. «Теперь на ярославской земле у Некрасова не осталось такого сильного, такого преданного покровителя. Под вопросом даже существование самого Некрасовского центра, находящегося в Ярославском педуниверситете» (с.140), — пишет Л.Н. Новикова.

Без поддержки осталась и современная ярославская поэзия, пришедшая благодаря Н.Н. Пайкову на кафедру истории русской литературы ЯГПУ: «<...>на кафедре никто не горит желанием заниматься современным литературным процессом ярославской земли <...> ни у кого нет интереса <...>» (Л.Н. Новикова, с. 142).

И — главное. Почему Н.Н. Пайкова с такой легкостью отпустили, ничего не сделав, чтобы удержать его в стенах педуниверситета, которому он отдал, можно сказать, всю жизнь? Отказали ему в возможности оставить за собой хотя бы некоторые курсы? «Уходя — уходи». Непостижимая жестокость. И он ушел в ЯГУ им. П.Г. Демидова на должность заведующего кафедрой общей и прикладной филологии, надеясь на возможность более полной реализации. Но меньше чем через месяц умер.

Безусловно, Н.Н. Пайков ощущал себя «заложником исторической и социальной ситуации» (с. 63), как отмечает *Е.А. Ермолин*. Нельзя не согласиться и с такой мыслью Е.А. Ермолина: «<...> что-то стоич

подав
что к
матич

литературной традиции в современной Эрэфии — стране зрелищ и зрелищ. <...> Я помню наши разговоры о кризисе литературоцентричной цивилизации, о зыбкости почвы под ногой и завершенности национальной судьбы. Но соглашаясь с этими печальными констатациями, он все же явно собирался утонуть вместе с кораблем великой традиции, а не спастись как-нибудь в одиночку» (с. 65).

Увы, в наше время «отсутствие воздуха» губит не только поэтов. Тому свидетельство — безвременная смерть Н.Н. Пайкова. Кажется, у самой русской культуры не выдерживает сердце.

М.С. Руденко

Сведения об авторе: *Руденко Мария Сергеевна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ruslitXX@philol.msu.ru

